

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 4, pp. 1078–1091, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1078–1091
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 294.321+821.512.36

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1078–1091

Особенности почерка и орфографии текста «Сутры Белого старца» (шифр В 228(1)) из собрания Института восточных рукописей РАН

Наталья Сергеевна Яхонтова¹

¹ Институт восточных рукописей РАН (д. 18, Дворцовая наб., 191186 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-2397-9138. E-mail: nyakhontova@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Яхонтова Н. С., 2020

Аннотация: *Введение.* Рукопись «Сутры Белого Старца», хранящаяся под шифром В 228(1) в собрании Института восточных рукописей РАН и написанная на ойратском «ясном письме», составлена в период, когда традиционные правила графики и орфографии подвергались сильному влиянию живого языка. *Цель* статьи — проследить особенности почерка и орфографии, характерные для этого текста «Сутры Белого старца». *Результаты.* По сравнению с классическими нормами, изменения, обнаруженные в тексте, затронули как написание отдельных букв и диакритических знаков, так и правописание слов. В языке рукописи нашли отражение (хотя непоследовательно и нерегулярно) такие происходившие в живой речи процессы, как развитие дифтонгов в долгие гласные, ассимиляция, добавление и редукция гласных. В тексте для обозначения долгих гласных за редким исключением не используется знак «удан», а удвоение лабиальных гласных в этой функции сохранилось только в односложных словах и в последнем слоге. Автором высказано предположение, что знак «удан», употребленный в некоторых позициях, мог утратить свое значение, став декоративным элементом почерка. В статье даны транслитерация текста и факсимиле рукописи.

Ключевые слова: ойратский язык, «ясное письмо», влияние разговорного языка, особенности почерка

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 20-512-93002 «Памятники „ясного письма“ как культурное наследие России и Китая». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Яхонтова Н. С. Особенности почерка и орфографии текста «Сутры Белого старца» (шифр В 228(1)) из собрания ИВР РАН // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 1078–1091. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1078–1091

UDC 294.321+821.512.36

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1078–1091

***The Sutra of the White Old Man* (Manuscript Call No. B 228(1), Institute of Oriental Studies of the RAS): Some Features of Handwriting and Orthography Revisited**

Natalia S. Yakhontova¹

¹ Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (18, Dvortsovaya Emb., St. Petersburg 191186, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0003-2397-9138. E-mail: nyakhontova@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Yakhontova N. S., 2020

Abstract. *Introduction.* The manuscript of *The Sutra of the White Old Man* — call no. B 228(1) — in the collection of the Institute of Oriental Manuscripts (RAS) is written in the Oirat Clear Script. The manuscript was compiled during the period when the traditional rules of graphics and spelling were strongly influenced by the spoken language. *Goals.* The article aims at eliciting special features of the handwriting and spelling of this particular text of the Sutra. *Results.* If compared to the classical rules, the changes traced in the text affected both the graphics (letters and diacritic signs) and spelling of words. The spelling patterns in the manuscript reflect (although inconsistently and irregularly) some phonetic processes that took place in the spoken language, such as the development of diphthongs into long vowels, assimilation, insertion and reduction of vowels. The sign ‘*udan*’ denoting long vowels is used in the text only occasionally, and reduplication of labial vowels in the same function is only preserved in monosyllabic words and final syllables. The author speculates that the ‘*udan*’ sign could have lost its meaning to become a decorative element of the handwriting in certain positions. The paper transliterates the text and publishes a facsimile of the manuscript.

Keywords: Oirat language, Clear Script, influence of spoken language, graphical peculiarities of handwriting

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and CASS, project no. 20-512-93002 ‘Clear Script Literature as a Cultural Heritage of Russia and China’. The article was presented at the International scientific online conference ‘Mongolian Studies at the Beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II’ funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Yakhontova N. S. *The Sutra of the White Old Man* (Manuscript Call No. B 228(1), Institute of Oriental Studies of the RAS): Some Features of Handwriting and Orthography Revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 1078–1091. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1078–1091

Введение

Все ойратские рукописи на ойратском «ясном письме» имеют собственную индивидуальность, как и любой почерк; и так

же, как и любой почерк, они легко читаются, если почерк аккуратный, уверенный и четкий: буквы имеют традиционные очертания, одинаково пишутся в любой позиции

в слове и во всех словах, диакритические знаки при «ö» и «и», а также знак долготы «удан» расставлены последовательно, слова написаны ровно по вертикали, строки расположены параллельно на равном расстоянии друг от друга, орфография следует правилам классического «ясного письма». Это характеристика идеальной, каллиграфически исполненной рукописи, выполненной умелым и грамотным переписчиком, следующим традициям «ясного письма».

Рукопись «Сутры Белого Старца», хранящаяся под шифром В 228(1) в собрании Института восточных рукописей¹, представляет собой образец, отличный от сказанного выше [В 228(1)]. Цель статьи — проследить особенности почерка и орфографии текста «Сутры Белого старца», характерные для периода, когда традиционные правила графики и орфографии подвергались сильному влиянию живого языка.

Общая характеристика источника

Рукопись хранится в Отделе редких книг и документов Института восточных рукописей РАН и входит в коллекцию А. М. Позднеева в составе Монгольского фонда. Рукопись была, с хорошей долей вероятности, приобретена в Калмыкии, либо конце 1880-х гг., либо в начале XX в., когда А. М. Позднеев бывал в Калмыкии. Про почерк этой рукописи можно сказать, что она написана человеком, уверенно владеющим каламом, о чем свидетельствует размашистость и некоторая небрежность, свойственная быстрому письму, однако ни одну из характеристик идеальной рукописи для его описания применить нельзя. О таких текстах, написанных в конце XIX – начале XX в., В. Л. Котвич писал: «...почти всякий грамотный по-калмыцки писал так, как это ему казалось лучше; другим же при чтении написанного приходилось руководствоваться больше чутьем и общим смыслом» [Котвич 1929: VI].

Причины этого В. Л. Котвич видит в развитии живого языка, затруднениях в обучении грамоте и усиливавшемся влиянии русского языка (в делопроизводстве) и тибетского (в сфере религии) [Котвич 1929: VI].

¹ Сшитая тетрадь, 4 л., 22×8.8 (20,5×8), 22–23 стк., российская бумага, чёрная тушь, калам [Сазыкин 1988: № 1259].

В результате на рубеже XIX–XX вв. в калмыцкой рукописной культуре наблюдался переходный период, некое неустойчивое состояние орфографии, подверженной сильному влиянию разговорного языка, но не имевшей четких правил: старые устарели, а новые еще не были разработаны. Это в наименьшей степени касалось канонических текстов, в отличие от литературы народного буддизма, в которой очевидно большое влияние живого языка [Rákos 2015: 104].

«Сутра Белого старца» относится к таким сочинениям, и анализ рукописи В 228(1) показывает, что в ее смешанной орфографии нашли отражение основные характерные особенности влияния разговорного языка, отмеченные в работах А. Ракоша [Rákos 2002; Rákos 2015].

Отдельные разговорные элементы в «ясном письме» были отмечены еще в грамматике А. А. Бобровникова [Бобровников 1849].

Очерк грамматики разговорного калмыцкого языка начала XX в. в словаре Г. Й. Рамстедта дает важную информацию о его состоянии в рассматриваемый период, но без связи с письменностью [Ramstedt 1935: IX–XXX], некоторые разговорные формы вошли в словарь Дж. Крюгера [Krueger 1978–1984], но указанные работы А. Ракоша ближе всего к теме статьи.

Отмеченная В. Л. Котвичем трудность восприятия таких текстов складывается из двух компонентов текста: почерка и орфографии, при этом в ряде случаев графика влияет на прочтение букв, т. е. на орфографию, и провести границу между ними невозможно. Из очевидных особенностей почерка, напрямую связанных с орфографией, которые заметны сразу, является отсутствие знака долготы и различия в написании лабиальных гласных.

Каждое из нестандартных написаний, взятое в отдельности в конкретном слове, может не выглядеть препятствием для его прочтения, но собранные вместе (часто в одном слове сочетаются их разные виды), в сочетании с нарушениями классической орфографии, они препятствуют беглому чтению текста. Усугубляется это и тем, что оба вида нарушений (почерк и орфография) встречаются нерегулярно, т. е. одно и то же слово может быть написано в разных вариантах, а одно и то же языковое явление в разных словах реализуется по-разному. Можно еще добавить, что в начале страниц

текст написан более аккуратно, чем ближе к концу страницы (особенно это заметно на пятой странице).

Далее эти особенности будут рассмотрены по порядку, но сначала — несколько слов о примерах и их транслитерации.

Примеры из текста В 228(1) сопровождаются адресом в квадратных скобках: указанием на страницу² рукописи и строку (кроме слов, употребленных несколько раз).

Перенос слова со строки на строку помечается знаком «/», и он ставится только там, где он имеет значение для трактовки написания.

Если в рукописи слово имеет нетрадиционную орфографию, в скобках дается традиционная с пометкой «ойр.»

При транслитерации слов с лабиальными гласными выбор гласной осуществлялся исходя из традиционного написания (подробнее см. пункт 2.2.).

1. Почерк

1.1. *Написание «k»*. Рассматривая графические особенности этого текста, которые не влияют на орфографию, следует отметить, что самым серьезным является иногда встречающееся написание буквы «k» в начале и середине слова, которое отличается нетрадиционной формой, складывающаяся из отличающегося от традиционного набора элементов и порядка их написания. Это тот случай, когда при чтении к форме буквы надо привыкать, чтобы не «спотыкаться» (см. рис. табл. 1).

Таблица 1. Написание буквы «k» в рукописи «Сутра Белого старца»
[Table. 1. Letter 'k'. Ways of writing]

1. kiged [B 228(1). C. 2: 6]	2. sedekil [B 228(1). C. 3: 14]	3. yiki [B 228(1). C. 4: 8]	4. kūdülükü [B 228(1). C. 3: 13]	5. yideki [B 228(1). C. 1: 14]
ойр. kigēd	ойр. sedkil	ойр. yeke	ойр. kündülekü	ойр. yekede

1.2. Написание «ng»

В рукописи, с одной стороны, при написании «ng» в середине слова регулярно отсутствует зубец для обозначения «п» (но

при этом сохраняется согласный «g», но не «q») (табл. 2: 1–3), а с другой — так же регулярно употребляется особое написание в конечной позиции (табл. 2: 4–5):

Таблица 2. Написание буквы «ng» в рукописи «Сутра Белого старца»
[Table. 2. Letter 'k'. Ways of writing]

1. teggeriin [B 228(1). C. 2: 3]	2. mogyoliyin [B 228(1). C. 1: 3]	3. egge [B 228(1). C. 6: 9]	4. ong/γod [B 228(1). C. 3: 20–21]	5. zobolong-gi [B 228(1). C. 4: 18]
ойр. tenggeriyin	ойр. mongyoliyin	ойр. engke	ойр. ongyod	

² В рукописи, которая представляет собой шитую тетрадь, оригинальная пагинация отсутствует, поэтому ссылки даются на номер страницы, а не листа.

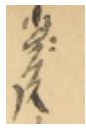
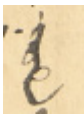
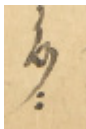
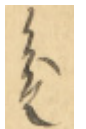
стует, поэтому ссылки даются на номер страницы, а не листа.

1.3. Отдельные нестандартные написания

Здесь собраны самые разные нестандартные написания: буква «š» помечена только диакритикой (табл. 3: 1), нестандарт-

ная форма конечной «m» (табл. 3: 2), слог «ha» из дхарани написан в подражание тибетской букве *ha* — ཧ་ (табл. 3: 3), буква «i» имеет угол вправо, а не влево от вертикали (табл. 3: 4).

Таблица 3. Разное
[Table 3. Miscellanea]

			
1. kišiq [B 228(1). C. 2: 20]	2. nom [B 228(1). C. 5: 4]	3. ha [B 228(1). C. 5: 15]	4. amin [B 228(1). C. 6: 10]
ойр. kišeq			

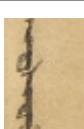
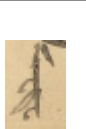
2. Орфография

2.1. Декоративный «хвост»

2.1.1. После конечной буквы «ü/u» (в причастном суффиксе *-kü* и в некоторых других случаях) часто присутствует «хвост» вправо, который по форме напоминает конечную букву «n». Классическое написание встретилось только один раз (табл. 4: 1), ещё в одном — два «üü» (табл. 4: 2), во всех остальных случаях (табл. 4:

3–5) несомненно присутствует «хвост», который следует признать декоративным элементом почерка, из-за нелогичности его прочтения как «n». Он также присутствует в суффиксе *-mü* (табл. 4: 6). Эти примеры важны, потому что демонстрируют отсутствие значения у «хвоста», поэтому, по аналогии, декоративным следует считать этот элемент, например, в слове *kluu* (табл. 4: 7).

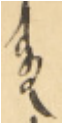
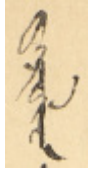
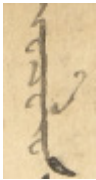
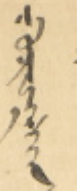
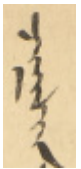
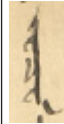
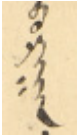
Таблица 4. Написание «ü/u» в конце слова (слог *kü* и др.)
[Table 4. Letter 'ü/u' at the end of words (syllable *kü*, etc.). Ways of writing]

						
1. ökü [B 228(1). C. 4: 18]	2. bišereküü [B 228(1). C. 3: 2–3]	3. ösükükü [B 228(1). C. 2: 23]	4. irekü [B 228(1). C. 3: 5]	5. ülüdükü [B 228(1). C. 3: 16]	6. medemü [B 228(1). C. 2: 21–22]	7. kluu [B 228(1). C. 1: 16]
ойр. ökü	ойр. bišerekü	ойр. ösükükü		ойр. üyiledkü	ойр. medemüi	ойр. klu или kluu

В то же время в большинстве случаев этот элемент, как и положено, обозначает согласную «п» в конце слова, которая может употребляться после любых гласных.

Например, это может быть суффикс слитного деепричастия *-n* (табл. 5: 1, 2, 3), *-n* в составе причастного суффикса *-qsan*² (табл. 5: 4, 5) и «п» в составе основы (табл. 5: 6, 7):

Таблица 5. Конечная буква «п»
[Table 5. Final letter “n”]

						
1. yobun [B 228(1). C. 1: 12]	2. darulen [B 228(1). C. 1: 5]	3. ezelen [B 228(1). C. 2: 11]	4. kürüqsn [B 228(1). C. 1: 14]	5. caqsn [B 228(1). C. 1: 15]	6. ezen [B 228(1). C. 2: 7]	7. burxan [B 228(1). C. 1: 6]
ойр. yabun	ойр. Darulan	ойр. ezelen	ойр. kürüqsn	ойр. cayiqsan		

2.1.2. Написание буквы «е»

Эта буква возможна в тексте в двух написаниях: классическом — зубец с утолщением (или крючком) на конце, и упрощенном — длинный зубец. Последнее регулярно встречается во «вписанной» позиции (после согласных «b», «g» и «k») (табл. 6: 1, 2). Если слог *be*, *ge* или *ke* является конечным, после него также может появляться «хвост» аналогичный, описанному в 2.1.1 (табл. 6: 3, 4, 5, 6). Он встречается так часто, что появляется желание попробовать найти этому объяснение. Можно предположить, что появление «хвоста» в позиции после конечного «е» связано с обозначением долготы гласного «е» с помощью знака «удан». Недаром среди слов с этим элементом присутствуют слова, в классическом написании имевшие конечную долгую гласную «е» (табл. 6: 4, 6). В то же время достаточно слов, где долготы быть не должно (табл. 7: 1–5). Основная причина в том, что в какой-то момент в калмыцких рукописях появилась тенденция не отмечать долготу гласных (и знаком «удан», и удвоением гласных). Здесь нужно привести данные из еще одной калмыц-

кой рукописи³ того же сочинения [BČ], почерк которой показывает, можно сказать, переходный этап превращения знака «удан» в декоративный элемент. В этой рукописи только при конечной букве «е» часто стоит знак, который, если сравнивать его с «хвостом» из рукописи B228(1), более похож на знак долготы (табл. 7: 6). Он употребляется и там, где по правилам классической орфографии нужно указание на долготу, и там, где не нужно, при этом в других позициях в рукописи долгота не помечена. Он также не регулярен: одно и то же слово (например, *tere* и *ene*) встречается в этой рукописи в обоих вариантах, но среди слов, в которых у конечной «е» долготы нет, написание с чертой преобладает (19 раз против 8). Возможно, в рукописях, в которых долгота не помечалась, из-за непонимания значения черты при конечной «е», но переписчики по аналогии с ней периодически ставили похожую черту, считая ее элементом конечной гласной «е». В таких случаях можно говорить о «псевдодолготе». В рукописи B 228(1), в которой «удан» также практически не употребляется, она преобразовалась в «хвост».

³ Речь идет о рукописи из коллекции Бага-Чоносовского хурула. В ссылке под табл. 7: 6 помечена как [BČ].

Таблица 6. Буква «е» (1)

[Table 6. Letter 'e' (1)]

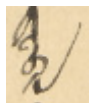
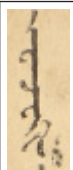
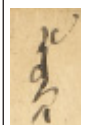
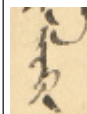
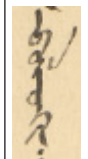
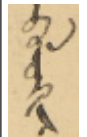
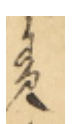
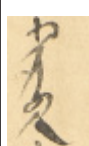
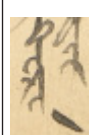
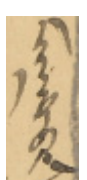
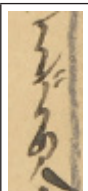
					
1. debel [B 228(1). C. 1: 15]	2. ecege [B 228(1). C. 3: 1]	3. lüge [B 228(1). C. 4: 8]	4. lege [B 228(1). C. 3: 9]	5. bülüge [B 228(1). C. 1: 12]	6. bülüge [B 228(1). C. 1: 22]
		ойр. lügē	ойр. lügē	ойр. bülügē	ойр. bülügē

Таблица 7. Буква «е» (2)

[Table 7. Letter 'e' (2)]

					
1. üge [B 228(1). C. 4: 17]	2. kerbe [B 228(1). C. 5: 8]	3. tere [B 228(1). C. 5: 9]	4. maqtbe [B 228(1). C. 6: 19]	5. sašabe [B 228(1). C. 6: 19]	6. ene [BČ, 1v: 3]
ойр. ügei			ойр. maqtabai	ойр. sayišabai	

Однако следует признать, что в рукописи B228(1) элемент, о котором идет речь, употребляется настолько часто, что его присутствие можно просто объяснить любовью переписчика к эффектному завершению слова.

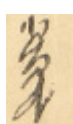
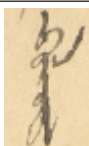
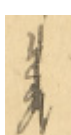
2.1.3. Написание конечной буквы «d»

Появление после конечной буквы «d» косо́го штриха справа, скорее всего, связано с тем же изменением, затронувшим знак «удан», который описан в 2.1.2. для конеч-

ной буквы «е», т. е. тоже относится к «псевдодолготе». В словах *kigēd* и *bolōd* долгота в классическом написании указывалась, но знак «удан» ставился сразу после гласной, а не после согласной «d», как это сделано в рукописи B 228(1) (табл. 8: 1,2). То, что в этой рукописи косой штрих после «d» регулярно ставится после всех конечных «d» (табл. 8: 3–6), определенно показывает, что это не сместившийся вниз показатель долготы гласного, а декоративный элемент.

Таблица 8. Конечная буква «d»

[Table 8. Final letter 'd']

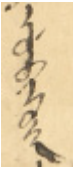
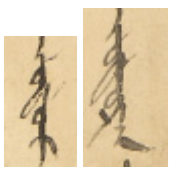
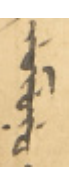
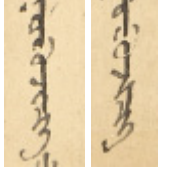
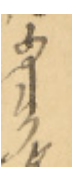
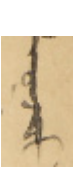
					
1. kiged [B 228(1). C. 3: 6]	2. bolod [B 228(1). C. 5: 13]	3. ad [B 228(1). C. 4: 11]	4. ed [B 228(1). C. 4: 17]	5. ted [B 228(1). C. 2: 10]	6. zoud [B 228(1). C. 6: 8]
ойр. kigēd	ойр. bolōd	ойр. ada		ойр. tede	ойр. zud

2.2. Лабиальные гласные «о»/«ö» и «и»/«ü»

Соответствующая диакритика при «ö» и «и» стоит только в четырех словах при «ö»: *ödör* (два раза из трех случаев употребления), *ömönö* (одно употребление), *öbögön* (один раз из четырех), *nököčöji* (два раза из двух) (табл. 9: 1–4), и в двух словах при «и»: *učir* и *buji* (табл. 9: 5, 6). Таким образом, данный текст приходится считать текстом без

этого типа диакритики. Тем более, что в двух словах — *üsün* ‘волосы’ и *üleqsen* диакритика при первом «ü» соответствует твердому «и» (табл. 10: 1, 2). Первое слово с таким знаком должно читаться как *usun* ‘вода’, но при этом слово «вода» встречается в тексте достаточно часто без положенной диакритики при «и». Второе слово имеет в своем составе несколько указаний на мягкий ряд, и твердое «и» в нем явно неуместно.

Таблица 9. Диакритика при лабиальных гласных «ö» и «и»
[Table 9. Diacritics with the labial vowels ‘ö’ and ‘u’]

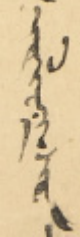
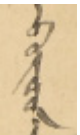
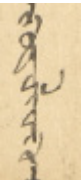
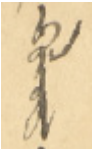
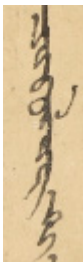
					
1. <i>öbegöin</i> [B 228(1). C. 4: 3]	2. <i>ödör</i> [B 228(1). C. 3: 17]; <i>ödörin</i> [B 228(1). C. 3: 21]	3. <i>ömönö</i> [B 228(1). C. 5: 1]	4. <i>nököcej</i> [B 228(1). C. 3: 9]; <i>nököčöji</i> [B 228(1). C. 4: 8]	5. <i>buji</i> [B 228(1). C. 3: 18]	6. <i>učir</i> [B 228(1). C. 1: 23]
ойр. <i>öbögöyin</i>	ойр. <i>ödör</i> ; <i>ödöriyin</i>		ойр. <i>nököčöji</i>	ойр. <i>buuji</i>	

Формы букв «о»/«ö» и «и»/«ü» имеют не очень выятные отличия, кроме позиции в конце слова. Иногда (как правило, в первом слоге) можно говорить о чуть более угловатой форме буквы или присутствии внизу горизонтальной составляющей, нарушающей округлость у букв «о/ö». В то же время такое написание может быть и у букв «и/ü» (табл. 10: 3–5). Эта нечеткость формы позволяет увидеть буквы «о/ö», где должны быть «о/ö», и не заметить там, где хочется увидеть «и/ü». Очень немногие слова имеют все «о» образцовые по форме, например: *хоуог* и *zobolong* (кроме «о» в слоге *bo*) (табл. 10: 6, 7).

При одинаковой форме и отсутствии диакритики во всем тексте в некоторых словах теоретически возможны четыре варианта трактовки только одной лабиальной.

Но нельзя забывать о двух косвенных факторах, сужающих выбор: это ряд слова и лабиальная гармония. К тому же намек на угловатость формы гласной первого слога или другое отличие ее написания от остальных лабиальных гласных слова (если таковые имеются), особенно, если в этом слове должно быть «о/ö», так и транслитерировались. Предполагается (возможно, неоправданно), что в тексте соблюдается лабиальная гармония, поэтому гласные второго и третьего слогов транслитерировались по гармонии, несмотря на их одинаковое, явно круглое написание. Альтернативным объяснением округлого написания может быть влияние разговорного языка и, как результат, редукция гласных непервых слогов, что проявлялось в умышленном написании в них «и/ü».

Таблица 10. Диакритика при букве «ü». Форма букв «o/ö» и «u/ü»
 [Table 10. Diacritics with the letter 'ü'. Forms of the letters 'o/ö' and 'u/ü']

						
1. usuun [B 228(1). C. 1: 14]	2. uleqsen [B 228(1). C. 1: 19]	3. buyuun [B 228(1). C. 2: 22]	4. küdülükü [B 228(1). C. 3: 13]	5. bolod [B 228(1). C. 5: 13]	6. xoyor [B 228(1). C. 2: 20]	7. zobolong-gi [B 228(1). C. 4: 18]
ойр. üsün	ойр. üleqsen	ойр. buyan	ойр. kündülekü	ойр. bolöd		

2.3. Обозначение долгих гласных

2.3.1. Знак долготы «удан»

Этот знак употреблен в тексте всего три раза: при первой гласной «е» в суффиксе исходного падежа — два раза, и при «о» в конце основы слова *tō* (табл. 11: 1, 2). Последний пример не самый «чистый», поскольку в рукописи видны следы подчистки текста. Как бы то ни было, очевидно, что диакритика для обозначения долготы в этом тексте — редкость. Еще в одном слове (табл. 11: 3) знак долготы стоит при конечной гласной «о», т. е. там, где долгого гласного нет, в то же время еще меньше оснований считать этот знак диакритикой при мягком «ö» (первый согласный «х» четко указывает на твердый ряд слова).

2.3.2. Удвоение гласных («ou/öü», «ui/üü»)

Этот способ передачи долготы гласных «u/ü» употребляется регулярно в немногих односложных словах: *toi* (это слово употреблено в тексте несколько раз в одинаковом написании (табл. 11: 4)), и в единично употребленных *zouin* [B 228(1). C. 4: 11], *nüül* [B 228(1). C. 4: 8], *youn* [B 228(1). C. 1: 20]. В то же время указание на долготу появилось

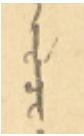
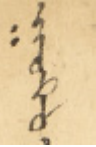
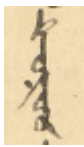
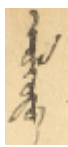
в слове *zud*, написанном как *zoud* [B 228(1). C. 6: 9]. Возможны и нерегулярные написания: два гласных есть в основе местоимения *töü* (ойр. *töün*) [B 228(1). C. 4: 16], но чаще их нет: *tün* (ойр. *töün*) [B 228(1). C. 3: 17; C. 5: 6], *ün* (ойр. *öün*) [B 228(1). C. 5: 8].

В многосложных словах заметно, что есть тенденция указывать ее в последнем слоге: *teregüü* [B 228(1). C. 1: 16], *ütügüün* [B 228(1). C. 2: 4], *kerüül* [B 228(1). C. 6: 5], *bürüül* (ойр. *bariul*) [B 228(1). C. 6: 5], где может быть и избыточная долгота: *buyuun* (ойр. *buyan*) [B 228(1). C. 2: 23], *usuun* (ойр. *üsün*) [B 228(1). C. 1: 14], *törüü* (ойр. *törö*) (табл. 11: 5), а в середине слова указания на долготу нет: *sakusun* (ойр. *sakusun*) [B 228(1). C. 3: 8], *ula* (ойр. *oula*) (несколько раз) (табл. 11: 6), *ösükükü* (ойр. *öüskekü*) [B 228(1). C. 2: 23], *adusdu* (ойр. *adousun-du*) [B 228(1). C. 4: 17] и др.

2.3.3. Дифтонгом *ei*

Такой способ обозначения долготы встретился в тексте только в одном слове *bülügē*, которое в четырех из шести случаев его употребления имеет написание *bülügei* (табл. 11: 7), что вряд ли можно считать случайностью.

Таблица 11. Обозначение долготы гласных
[Table 11. Long vowels. Ways of marking]

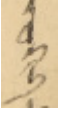
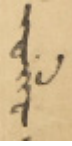
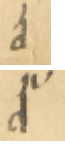
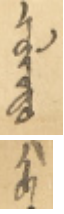
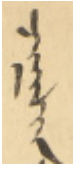
						
1. -ēce [B 228(1). C. 5: 1, 10]	2. tō [B 228(1). C. 5: 7]	3. xotō [B 228(1). C. 4: 6]	4. muu [B 228(1). C. 3: 14]	5. törüü [B 228(1). C. 2: 8]	6. uludu [B 228(1). C. 2: 5]	7. bülügei [B 228(1). C. 2: 3]
		ойр. xoto(n)		ойр. törö	ойр. ouladu	ойр. bülügē

2.4. Написание дифтонгов

Классическое написание дифтонгов в «ясном письме» в начале и середине слова — Г + у + і: ayı, eyı, uyı, üyü, iyü, и в конце слова — Г + і. В тексте В 228(1) такое написание практически не встречается. В текстах, отражающих разговорное произношение, дифтонги или передаются двумя гласными без «у» (т. е. без длинного зубца), или двумя одинаковыми гласными, или одной гласной. В конце слова обычно опускается конечный «і» в составе дифтонга. Эти изменения в написании дифтонгов

отражают происходивший в живом языке переход дифтонгов в долгие гласные и последовавшее за этим прекращение регулярного обозначения долгих гласных, поэтому в таких текстах и другое обозначение долготы гласных не является регулярным. В рукописи В 228(1) возможны разные написания дифтонгов, но классическое встречается крайне редко: регулярно только в слове ügei (рис. 12: 1), так же как и двойные гласные (рис. 12: 2, 5). Обычно вместо классического дифтонга пишется одна гласная (табл. 12: 3, 4, 6–9).

Таблица 12. Написание дифтонгов в основе слова
[Table 12. Diphthongs in word stems. Ways of writing]

								
1. ügei [B 228(1). C. 2: 22]	2. iin [B 228(1). C. 5: 12]	3. in [B 228(1). C. 1: 7]	4. san [B 228(1). C. 6: 7]	5. üile [B 228(1). C. 2: 23]	6. üle [B 228(1). C. 3: 15–16]	7. ülüdümü [B 228(1). C. 4: 16]	8. bü [B 228(1). C. 3: 5]	9. caqsn [B 228(1). C. 1: 15]
	ойр. eyin	ойр. Eyin	ойр. sayin	ойр. üyile	ойр. üyile	ойр. üyiledemüi	ойр. bui	ойр. cayiqsan

Дифтонг iyü входит в состав суффикса родительного падежа, и тогда он подвержен тем же изменениям, что и дифтонги в основе слова, например teggeriin (ойр. tenggeriyn) [B 228(1). C. 2: 3] (табл. 2: 1), ödörin (ойр. ödöriyn) [B 228(1). C. 2: 21] (табл. 9: 2).

2.5. Ассимиляция и вставка гласных

Ассимиляция и вставка гласных часто связаны, но если первое может быть и без второго, то вставка гласных обычно сопро-

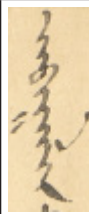
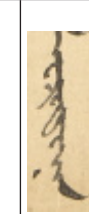
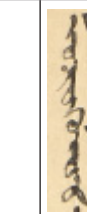
вождается их ассимиляцией. Только ассимиляция (прогрессивная) наблюдается, например, в написании слов *nasun* и *yisün* (табл. 13: 1, 2), в слове *yabuxulā* она распространилась и на суффикс условного депричастия (табл. 13: 3). Примером регрессивной ассимиляции является запись слова *yabun* (табл. 5: 1).

О неупорядоченной вставке гласных в текстах начала XX в. В. Л. Котвич писал:

«В настоящее время многие, стараясь писать так, как писал в свое время Зая-Пандита, вставляют все выпавшие гласные. Не зная, однако, хорошо, какие гласные выпали и где именно, часто вставляют другие гласные и при том там, где их никогда не

было раньше» [Котвич 1929: 16]. Особенно часто гласные появляются после согласной «r» (табл. 4–6). Возможно, к этому же явлению можно отнести и появление гласной «a» в конце слова *γazar* (табл. 13: 7).

Таблица 13. Ассимиляция и вставка гласных
[Table 13. Vowel assimilation and insertion]

						
1. nasan [B 228(1). C. 2: 2]	2. yisin [B 228(1). C. 3: 21]	3. abaxala [B 228(1). C. 5: 5]	4. eredena [B 228(1). C. 3: 14]	5. mürügümüü [B 228(1). C. 1: 7]	6. yertečin [B 228(1). C. 2: 19]	7. γazara [B 228(1). C. 2: 15]
ойр. nasun	ойр. yisün	ойр. abuxulā	ойр. erdeni	ойр. mürgümüi	ойр. yertüncüiyin	ойр. γazar

2.6. Пропуск гласных

Пропуск гласных в текстах связан с прошедшей в разговорном языке редукцией гласных непервых слогов: гласные, произношение которых было неясным, на письме не обозначали. В рукописи В 228(1) можно встретить такое написание как *maqṭbe* (ойр. *maqṭbai*) (табл. 7: 4). Особенно часто отсутствует гласный в суффиксе причастия прошедшего времени *-qsan*, и тогда пишут *boluqsn-du* (ойр. *boluqsan-du*) [B 228(1). C. 6: 13], *ümüseqsn* (ойр. *ümüsüqsen*) [B 228(1). C. 1: 15], *kürüqsn* (ойр. *kürüqsen*) [B 228(1). C. 1: 14] (табл. 5.5), *caqsn* (ойр. *cayiqsan*) [B 228(1). C. 1: 15] (табл. 5: 6).

Выводы

Рукопись В 228(1) «Сутры Белого Старца» является типичным образцом текста, написанного под сильным влиянием разговорного языка. В ее орфографии, с одной стороны, прослеживаются, пусть и нерегулярно, те изменения в языке, которые позже легли в основу орфографических реформ. С другой стороны, некоторые написание классической орфографии были сохранены, но утратили грамматическое значение, став графическими особенностями почерка.

Транслитерация рукописи В 228(1)

Обозначения, использованные в транслитерации:

Косая черта «/» — переход на другую строку в тексте рукописи.

Квадратные скобки «[]» — графема, пропущенная в слове и восстановленная как несомненная. Квадратные скобки со знаком равенства «[=]» — восстановленное корректное написание слова или графемы.

Звездочка «*» — восстановленное написание слов или частей слов, которые невозможно прочитать из-за дефекта рукописи.

Косые скобки «<>» — лишние графемы (одна или несколько) или слово.

Круглые скобки «()» — слово или графема, вписанные в текст рукописи в качестве исправления.

Фигурные скобки «{ }» — слово или графема, помеченные писцом как лишние с помощью любых обозначений.

Лабиальные гласные транслитерируются по классическому написанию. Гласные «ö» и «u» при которых стоит соответствующая диакритика, подчеркнуты.

Названия сочинения на обложке тетради нет.

//1// namo budha-yi: namo d[ha]r<a>ma-yi: / namo sa[n]gka-yi: enedegigin [=enedkegiyin] kele[=ē]r / you sou ene tou: mo[n]gyoli[yi]n kele[=ē]r: / yazār usuni nomoyodxaǰi / darulun čidaqči ner[e]tū sudur[:] / xamuq burxan bodo sado-nartu / mür<ü>gümü[:] [ey]in keme[=ē] n mnii [=mini] sonaq/sn [=sonosusqan] negei [=nigen] caqtu burxan {bodo} ana/dan [=ānanda] ayxaq [=ayaxa] takelemaq [=takilmiq] bodi / sado yiki [=yeke] xuvaraqluǰa[=ā] ne[=i]ge/ne zemeseleqs[=e]n neretū uludu [=ouladu] / yobun [=yabun] bülüge[=ē]: tere caq-tu / negei [=nigen] öböğön nasuni caq-tu / kürüqs[e]n saxal usuun [=üsün] yideki [=yekede] / ca[yi]qs[a]n c[a]ǰa[=ā]n debel ümüsüqs[e]n / ǰarta[=ā]n kluu teregüü tayaq beri/qsen [=bariqsan] timei [=teyimi] nege [=nigen] öböğön kümü/ni üzüqsen bü [=bui]: üze[=ē]d saca / ilǰan [=ilayun] tögös[ü]n u[=ü] leqsen bur/xan zarle[=i]q boloba [=bolboi]: či youni / tuludu [=tula] ǰaqcara ene uludu [=ouladu] / ax<a>u bülüge[=ē]: keme[=ē] n ügölüba[=ei:] ö/bögön učir šalataben [=šaltābēn] alidxaba [=ayiladxabai]: //2// ileǰn [=ilayun] tögös[ü]n üleqs[=e]n burxan: / bi ene {uludu} zemes<e>leq (ner[e]tū) uludu [=ouladu] / axu bülügei [=bülügē]: dere te[n] gri[y]in ezen: / doru ütügün [=ötögön] ekin ezen kigi[=ē]d: / uludu [=ouladu] axu bülügei [=bülügē]: doqšin göresen [=görösün] / ba xorotu moyoi kige[=ē]d: kümün am[i]t[a]ni / ǰazara[=i]yin ezen bülügei [=bülügē]: usuni / <z> ezen törüü [=törö] kige[=ē]d: t[ö]üni xorin / dörbön zügin [=zügiyin] sak[o]usun bülügei [=bülügē]: ki[=e]dün doqšin ted[e] bügüde[yi] n ezen bi / ezelen yobumu [=yabumu] bi: uludu [=ouladu] bol<a>/basu olo [=oula] ǰazar

usun-ni ezen / bi: taladu bolubasu [=bolbāsu] tara[=ā]n ǰazar / usuni ezen bi: kümē[=ü]n bolubasu [=bolbāsu] / kümüni (ger) ǰazar<a> usuni ezen bi: / sümüde bolubasu [=bolbāsu] nomi[y]in ǰazar / usuni ezen bi: xotodu bolu/busu [=bolbāsu] balǰas[u]n-ni ǰazu[=a]r usuni / ezen bi: yeritečin [=yertüncüyin] kümüni buyi[=a]n / kišiq xoyor bi ilǰa[n] medemü bi: / kümüni nasa[=u]n axar [=oxor] urtigiin [=urtuyigi] mede/mü bi: buyuun [=buyan] ügei kiqšagi [=kišigi] bi / ögümü[i]: sian [=sayin] ü[y]ile ösükükü [=ösükekü] //3// ece[=i]ge eki[y]in açi xarlatu: [=xariulxu] / ǰurbun eredenigin [=erdeniyigi] kündülü[=e] n biši/reküü ted[e] bügüde[yi]gi bi buyuan [=büri]n-ye[=ē]r / bi: xoyor šina[=e] arb[a] n zurǰa[=ā]ndu / bolǰi ir[e]kü bü [=bui]: klau [=klu] xuluǰunin / ödöri[yi]n jil xoyor kige[=ē] d {xala/ǰaçini} t[o]ul[ay]in xara xarun [=xara] čid/kür kige[=ē]d: xalaǰaçini sakusun bi [=ba]: / ǰali[yi]n ezen-lege [=lügē] nököçe[=ö] ji kireba [=kerbe] / doqšin-ye[=ē]r am[i]t[a]ni yabuxu bi [=ba]: / ece[=i]ge eke[yi]gi ülü kü[n]dülükü bi [=ba]: / mou sed<e>kil-ye[=ē]r ǰurbun eredeni [=erdeni] / ülü takixu bi [=ba]: xamuq mou ü/le [=üyile] ülüdükü [=üyiledkü] bi [=ba]: tede bügüde-gi<i> / bi mečin ödör t[ö]üni kürtel[e] / te[n]gger doqšin arši bičiǰi / kirq [=kra]q bu[u]ǰi t[ö]üni ǰazar usuni / kigi[=ē]d: doqš[i]n kiriq [=kra]q mou ong/ǰod kigi[=ē]d yis[ü]n ödöri[yi]n tabun / doqš[i]n klau [=klu] šoro[yi]n ezen ǰazar //4// usuni ada tod<o>xor ǰazar / ezen aby[a]i ba: ǰazar usuni / ezen {bi} öbegöin [=öböğön] bi: küübün [=köböün] a/činar[-y]e[=ē]n ted[e] bügüdü [=bügüdeyin] ezen bi: / ne[=i]gene ǰazar usuni ezen ba: / xotö[=o] bügüde xorin dörbön ǰa/zar usuni

ezen ba: tede бүгүде/-lüge[=ē] bi nigene x[a]mtu nököči[=ō]ji / taimii [=teyimi] yiki [=yeke] nüül kilčin [=kilinče]-ye[=ē]n ülü/deqsen [=üyiledüqsen] amit[a]ni (ami[n]du) xor küriyeq/sen бүгүде: zoun jil [=züyil] ad[a] e/bečin kigi[=ē]d: xulay[a]i ba: / kele am[a] n alabe [=aliba] yal yardq [=yardaq] kige[=ē] d / mou züde kig[ē]d: tede бүгүдеgi / bi xor miteü [=metü] oralun [=oroulun] ülüdü/mü [=üyiledümü] xuduludu [=xudaldu] kige[=ē]d töü[ni] ači / tusa üge[i] ed adusdu [=adousundu] xor / mesü [=xomso] ökül zobolong-gi ökü / bi: yazar usuni ezen / iin [=eyin] keme[=ē] n nöqčiqsüdü [=nöqčiqsöndü]: ilaya [=ilayun] / tögös[ü]n ülüqsün [=üleqsen] burxan zara/laq [=zarliq] boloba [=bolboi]: sa[yi]n sa[yi] n izrotni [=izourtani] //5// kübün [=köböün]: a [=ē] či mani ömönö-ēce / aman aban ab<a>či xamuq a/mit[a]ni tusu[=a]lan sakın: ailbin [=aliba] / küme[=ü]n ene nom bičilüküle [=bičüülkülē] / abaxala [=abxulā] kümü[n] dü üzülüküle[=üzüülkülē] / ugšuluxalan [=ungšuluxulā] t[ö]üni ači tu/sa inü tō tomšu[=i] üge[i] yeki[=e] / boluyu: kerbe [ö] üni ebečidü / doli[=ō]tu ugšuxuli [=ungšixulā] tere / ebečin-ēce öte[=ō]r (bügüder) tonulu/xu [=tonilxu] boluyu: ilay[u]n tusa [=tögös] ü/lü[=e]qsen burxan [e]iin keme[ēn] z[a]rlıq bolo[=ō]d: ene tarnigi / ügülübe [=ögüülebei]

šülü tümü om toq / tülü tülü sa ya so ha: / ene (tarnigi) ilyan [=ilayun] tögös[ü]n üleqsen / tiin [=teyin] keme[=ēn] zarla[=i]q boluqs[an]du / yazar usun kige[=ē]d xamuq sa/k[o]usun biyasn [=bayasun] bišredü [=biširēd] alx[a]be[=ē] n / xamtudxan mür<ü>güji buyuun [=buyan] berün [=bürin] / šüzüq bišir[e]lte[n] amatin [=amitan] //6// ene nom bičiküle[=ē] <bičiküle> / ugšuxu [=ungšixu] kige[=ē]d kümü[n]dü üzü/ l<ü>küle[ē] tedeni ger tergedü ebeči / txala [=taxal] ügei bolo[=ō]d kile[=in]ce arulu/xu [=ariulaxu] boluyu: kerüül bürüül [=bariul] ügei bolo[=ō]d / nom<i>du ayulaba[=ā]su boluyu: / sa[yi]n ači üre inu del<e>gere[ē]d / ad[a]l mal<a>du zoud [=zud] tur[a]xan / ügei boluyu: e[n]gge amyulung [=amuyulung] / bolo[=ō]d: amin nas[u]n urtu / buyi[=a]n kišiq nemekü boluyu / ilyan [=ilayun] tögös[ü]n üleqsen burx[a]n / zarliq boluqs[a]n-du yaz[a] r / kige[=ē]d okin te[n]ggere[=i] bi [=ba]: te[n]g/gere[=i] kümün asire [=asuri] gederi [=gandari]/-luya[=ā] ne[=i]gene xam<u>tu yerteči [=yertüncü]/-daxan [=deki] zöbšeren [=zöbsörön] bišrije [=bišireji] ilay[a]n / tögös[ü] n ülüqsen burxan z[a]rlıgi / iltü [=ilete] maqtbe [=maqtabai] sašabe [=sayışābai] yazar / usuni darul[a]n čid[a]qčın neretü / [*su]dur orošobe [=orošibo] s[a]rva mam ka la:

Источники

- B 228(1) — *yazar usuni nomoyodxaġi darulun čidaqči nertü sudur* («Сутра Белого старца») // Отдел редких книг и документов Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург). Ойр. рукопись, сшитая тетрадь, 6 с., 22 × 8.8 (20.5 × 8), 22–23 стк., рус. бумага, чёрная тушь, калам [Сазыкин 1988: № 1259].
ВС — Коллекция Бага-Чоносовского хурула (Республика Калмыкия). *yazar usuni nomuyudxun darulan čidāqči nertü sudur* («Сутра Белого старца»). Калм. рукопись, 4 л., 16–18 стк., плотная бумага, черные чернила.

Литература

- Бобровников 1849 — Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1849. 395 с.
Котвич 1929 — Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. вт. / Калмыцкая Комиссия Культурных Работников в Чехословацкой Республике. Ржевнице у Праги: КККР, 1929. 418 с.

Sources

- Gazar usuni nomoyodxaġi darulun čidaqči nertü sudur*: The Sutra of the White Old Man. Oirat manuscript. At: Department of Rare Books and Documents, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg). Call. no. B 228(1). 6 p. (In Oir.)
Gazar usuni nomuyudxun darulan čidāqči nertü sudur: The Sutra of the White Old Man. Kalmyk manuscript. At: Baga-Chonos Khurul (Republic of Kalmykia). 4 p. (In Kalm.)

- Сазыкин 1988 — Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. Т. 1. М.: Наука, ГРБЛ, 1988. 280 с.
Krueger 1978–1984 — Krueger G. J. Materials for an Oirat-Mongolian to English citation dictionary. Part I–III. Indiana University. Bloomington: Mongolia Society, 1978. Part I: 1–204 p., Part II: 205–464 p., Part III: 465–816 p.

- Rákos 2002 — *Rákos A.* Beszélt nyelvi elemek az oírárt „világos írásos“ szövegekben // *Orientalista Nap*, 2001. Birtalan A., Masanori Ya. (szerk.). Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, Eötvös Loránd Tudományegyetem, 2002. Pp. 81–89. (In Hung.)
- Rákos 2015 — *Rákos A.* Colloquial Elements in Oirat Script Documents of the 19th Century // *Rocznik Orientalistyczny*. T. LXVIII. Z. 2. 2015. Pp. 102–114.
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch [Kalmyk Dictionary]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 p. (In Germ.)
- References**
- Bobrovnikov A. A. Grammar of Kalmyk Mongolian. Kazan: Imperial Kazan University, 1849. 395 p. (In Russ.)
- Kotwicz W. L. Grammar of Spoken Kalmyk. 2nd ed. Řevnice: Kalmyk Commission of Cultural Workers (Czechoslovak Republic), 1929. 418 p. (In Russ.)
- Krueger G. J. Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. Parts I–III. Indiana University. Bloomington: Mongolia Society, 1978. Part I, pp. 1–204; part II, pp. 205–464; part III, pp. 465–816. (In Russ.)
- Rákos A. Colloquial elements in Oirat script documents of the 19th century. *Rocznik Orientalistyczny*. 2015. Vol. LXVIII. No. 2. Pp. 102–114. (In Eng.)
- Rákos A. Colloquial linguistic elements in Oirat Clear Script texts. In: Birtalan A., Masanori Ya. (eds.) *Orientalista Nap*: 2001. Budapest: Hungarian Academy of Sciences, Eötvös Loránd University, 2002. Pp. 81–89. (In Hung.)
- Ramstedt G. J. Kalmyk Dictionary. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. 560 p. (In Germ. and Kalm.)
- Sazykin A. G. Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences: Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs. Vol. 1. Moscow: Nauka, GRVL, 1988. 280 p. (In Russ.)

